

УДК 82

Н.А. Белова

Концепт «Северные народы» в травелоге И.А. Гончарова «Фрегат «Паллада»

Аннотация. В статье «Фрегат «Паллада» И.А. Гончарова рассматривается в контексте литературы путешествия. Выделяются параметры, позволяющие идентифицировать путевые очерки Гончарова как травелог, важное место в котором занимает описание Сибири и ее этносов. Устанавливается роль литературных реминисценций в создании образа Сибири. Выделяются семы, образующие концепт «северные народы» как один из центральных концептов травелога, среди которых: портрет, духовные и физические характеристики, связь с природой, материальная культура, языки, способность к развитию.

Ключевые слова: травелог, «Фрегат «Паллада», И.А. Гончаров, концепт, сема, образ Сибири, колониальный дискурс, северные этносы.

N.A. Belova

The concept “Northern peoples” in I.A. Goncharov’s travelogue “The Frigate Pallada”

Summary: The article deals with I.A. Goncharov’s “The Frigate Pallada” in the context of travel literature. Parameters which allow us to identify Goncharov’s travel sketches as travelogue are distinguished. An important place there is given to the description of Siberia and its ethnic groups. The role of literary reminiscences in creating the image of Siberia is determined. Semes forming the concept “northern peoples” as one of the central concepts of the travelogue are distinguished. These semes include a portrait, spiritual and physical characteristics, connection with nature, material culture, languages, and the ability to develop.

Keywords: travelogue, “The Frigate Pallada”, I.A. Goncharov, concept, sema, the image of Siberia, colonial discourse, the northern ethnic groups.

Путевой дневник «Фрегат «Паллада» занимает особое место в творчестве И.А. Гончарова. Это единственный травелог, созданный автором «Обыкновенной истории», «Обломова» и «Обрыва». И.А. Гончаров в 1852 году предпринял кругосветное путешествие на фрегате «Паллада» в качестве секретаря адмирала Е. Путятина. Итогом плавания стало не только посещение многочисленных морских портов, но и создание одного из луч ших, после «Писем русского путешественника» Н.М. Карамзина, за 60 лет до «Фрегата «Паллада» распахнувшего перед русским читателем «окно в Европу», травелогов. В отличие от «Писем...» Карамзина в травелоге Гончарова происходит открытие новых земель – Азии и Сибири, в равной степени не изведанных широкой читательской аудиторией.

«Фрегат «Паллада» написан в жанре литературного путешествия, или травелога, формирование которого в русской литера-

туре началось еще с времен «Хождения за три моря» Афанасия Никитина и популярных в средние века рассказов о паломничествах к святым местам. Форма травелога восходит к путевому очерку, но содержательно серьезно отличается от этого жанра. Травелог – это не «отчет» о путешествии, а история становления рассказчика, способ самопознания, источником которого являются новые впечатления и переживания, возникающие при столкновении с чужой культурой, непривычными условиями жизни, иным типом мышления. Собственно травелог фиксирует внутреннее путешествие героя в поисках самого себя, обусловленное внешним передвижением в пространстве. Эта особенность, присущая травелогу, определяет и другие дефиниции жанра, отчетливо просматривающиеся в произведениях самых разных эпох – от «Писем русского путешественника» Н.М. Карамзина, «Путешествия из Петербурга

в Москву» А.Н. Радищева до романов, написанных в этом жанре в начале XXI века, таких, как «Адамов мост» С. Соловьева или «Моя Венеция» А. Бильжо. При этом современные ученые, занимающиеся этой разновидностью литературы путешествия, в частности, В.М. Гуминский, А. Бондарева, А. Эткинд, неустанно говорят о том, что жанровый канон травелога до сих пор не сложился.

Так или иначе, к жанрообразующим принципам травелога можно отнести: сочетание документального и художественного начал; динамику повествования, параллельно развивающегося на двух нарративных уровнях – рассказа о путешествии и истории эволюции героя; «категориальность сознания путешественника и неизменную этно-национальную позицию повествователя» [1, 8], которые проявляются в присутствии антитезы «свое» – «чужое»¹; трактовку категории единичного как типичного; метафизический характер путешествия, «в финале которого происходит если не взросление, то умудрение, как повествователя, так и читателя» [2]. Любопытно и то, что травелог, равно как и вся литература путешествий, актуализируются в переходные периоды истории. О. Балла так характеризует этот процесс: «Тяга к литературе перемещений – показатель культурного беспокойства, общекультурной потребности в изменениях, в преображении, в выходе из привычного, устоявшегося и изношенного» [3]. Именно эти черты отличают повествование «Фрегата «Паллада» И.А. Гончарова и позволяют идентифицировать собрание путевых очерков как травелог.

И.А. Гончаров, служивший переводчиком в департаменте внешней торговли министерства финансов, был назначен секретарём адмирала Е. Путятина и должен был описывать плавание в Японию и ход переговоров с японцами. Путешествие стало почти кругосветным, так как И.А. Гончаров по пути в Японию на фрегате «Паллада» побывал в Англии, Южной Африке, Индонезии, Китае, на обратном пути из Атлантического, Индийского и Тихого океанов. Из-за начавшейся Крымской войны Гончаров был вынужден прервать путеше-

ствие. В июле 1854 года он был откомандирован в Петербург, куда и направился с берегов Охотского моря сухопутным путём через всю Россию, благодаря чему путевой дневник пополнился впечатлениями от Сибири, во многом остающейся terra incognita даже для соотечественников Гончарова. Документальная природа путевых очерков не вызывает сомнений: с фактографической точностью воссоздаются события путешествия с указанием даты и места. Но за деталями рассказа повествователя возникают картины, являющиеся иллюстрациями к истории человечества, авторская концепция, заставляющая рассматривать современный период истории как переход от младенчества к зрелости. Из этой «сверхзадачи» и рождается литературный замысел: «...вместить вдруг, неожиданно развивающуюся картину мира», сознавая, что «это дерзость почти титаническая» [4, 13]. Таким образом, описание каждого народа соотносится с исторической вертикалью, разными этапами развития цивилизации. Присутствие авторского замысла наряду с системой сквозных образов и мотивов, символикой и обобщениями свидетельствуют о тяготении к художественному типу повествования [5].

«Фрегат «Паллада» был создан в очень важный для автора период. В 1849 году был написан и опубликован в приложении к журналу «Современник» «Сон Обломова». Но работа над романом, по утверждению Гончарова, уже сложившимся в его сознании, не удовлетворяла автора и была прервана из-за кругосветного путешествия, причины которого Гончаров сформулировал в письме к Е.П. и Н.А. Майковым из Англии: «Так вот зачем он уехал, - подумаете Вы: он заживо умирал дома от праздности, скуки, тяжести и запустения в голове и сердце; ничем не освежалось воображение и т. п. Все это правда, там я совершенно погибал медленно и скучно: надо было изменить на что-нибудь, худшее или лучшее – это все равно, лишь бы изменить» [6, 329]. В главе «От Кронштадта до мыса Лизарда» Гончаров повторяет ту же оппозицию покоя – движения, праздности – дельности, скуки – напряженной внутренней работы:

¹ Этот аспект травелога оказался чрезвычайно востребован в современном гуманитарном знании, став предметом исследования исторической имагологии, к которой можно отнести междисциплинарные исследования взаимодействия и взаимовосприятия народов, социумов и культур.

«Дни мелькали, жизнь грозила пустотой, сумерками, вечными буднями: дни, хотя порознь разнообразны, сливались в одну утомительно-однообразную массу годов. Зевота за делом, за книгой, зевота в спектакле, и та же зевота в шумном собрании и в приятельской беседе! И вдруг неожиданно суждено было воскресить мечты, расшевелить воспоминания, вспомнить давно забытых мною кругосветных героев. Вдруг и я вслед за ними иду вокруг света! Я радостно содрогнулся при мысли: я буду в Китае, в Индии, переплыть океаны, ступлю ногою на те острова, где гуляет в первобытной простоте дикарь, посмотрю на эти чудеса – и жизнь моя не будет праздным отражением мелких, надоевших явлений. Я обновился; все мечты и надежды юности, сама юность воротилась ко мне. Скорей, скорей в путь!» [4, 10].

Путешествие выполнило свою задачу: новые впечатления избавили от хандры и лени, вернули ясность видения и желание творить. Именно это объясняет легендарную скорость, с которой был написан роман «Обломов». Летом 1857 года, после выхода из печати «Фрегата «Паллада», Гончаров в течение нескольких недель написал 4 части романа. Скорость реализации давнего замысла поразила самого писателя. Одному из своих адресатов он писал: «Неестественным покажется, как это в месяц человек кончил то, чего не мог закончить в года? На это отвечу, что если б не было годов, не написалось бы в месяц ничего. В том то и дело, что роман выносился весь до мельчайших сцен и подробностей и оставалось только записывать его» [6, 284]. Более того, история литературы знает множество примеров создания великих произведений, часто эпических, за пределами национального пространства – «большое видится на расстоянии». Над «Мертвыми душами» Н.В. Гоголь, как известно, работал в Риме. Столкновение с другими культурами инициирует процесс национальной самоидентификации, заставляет более отчетливо видеть своеобразие своего народа. Неслучайно в предисловии к «Фрегату «Паллада» И.А. Гончаров отмечал: «Я ведь уже сказал вам, что искомый результат – это параллели между «своим» и «чужим». Мы так глубоко выросли корнями у себя дома, что, куда и как

надолго бы я не заехал, я всюду унесу почву родной Обломовки на ногах, и никакие океаны не смоют ее» [4, 70].

При описании заморских стран и их обитателей И.А. Гончаров, прежде всего, интересуется быт, уклад жизни, манера поведения, отношения между людьми. Он погружается в эту непривычную среду, пытается почувствовать атмосферу страны через бытовые детали, житейскую рутину. Но при описании, а точнее, погружении в жизнь чужой страны, Гончаров продолжает традиции Н.М. Карамзина, используя прием сравнительной дескрипции, возникающий при сравнении хорошо известного, родного, и нового, экзотического. Таким образом, полного перехода в чужое пространство не происходит, скорее, наращиваются знания о своем. Жанр травелога не случайно возникает именно в переходный период развития культуры, когда происходит становление национального самосознания, как это было на рубеже XVIII – XIX веков. Травелоги через сравнение с другими народами, носителями иного взгляда на мир, помогают определить собственную национальную идентичность. Поэтому понятно, почему в путевом дневнике Гончарова появляются комичные, на наш взгляд, сравнения. Например, негритьянку Гончаров сравнивает с русской бабой: «Одета как наши бабы – на голове платочек, около поясицы что-то вроде юбки, как у сарафана, и сверху рубашка» [4, 80]. Или во втором томе при описании особенностей жизни северных народов Гончаров сравнивает кочевье якутов с привычкой жителей Петербурга летом переселяться на дачи: «Якуты если и откочевывают на время в другое от своей родной юрты место, где лучше корм для скота, но ненадолго, и после возвращаются домой. У них большей частью по две юрты, летняя и зимняя. Этак, пожалуй, и мы с вами кочующий народ, потому что летом перебираемся в Парголово, Царское Село, Ораниенбаум» [4, 608].

Более сложное решение оппозиции «свое» – «чужое» мы встречаем в «сибирских» главах травелога Гончарова. 3 последних очерка, опубликованных во II томе «Фрегата «Паллада», – «Обратный путь через Сибирь» (VII гл.), «Из Якутска» (VIII гл.) и «До Иркутска» (IX гл.) – описывают

странствия по этой части Российской империи как продолжение путешествия по экзотическим странам, но с совершенно иной целью – не удовлетворение любопытства человека, попавшего в «зазеркалье», а познание своего, пока еще пугающего и до конца не понятого пространства. Главный мотив «сибирских» глав – знакомство с другой родиной, далекой, загадочной, но все-таки родной, «своей». В последних главах появляется героический пафос. «Истинным путешествием в старинном трудном смысле слова, подвигом», который «только с этого времени и начался» – назвал в письме к Майковым «сухопутную» часть своего пути автор «Фрегата «Паллада». На героическую трактовку «сибирского пространства» указывают и литературные реминисценции, посредством которых повествователь выражает свое отношение к происходящему. Путешественник сравнивает себя то с Одиссеем, возвращающимся на родную Итаку², то с Робинзоном, оказавшемся на необитаемом острове.

Точкой отсчета в путешествии по Сибири становится образ необитаемого острова, цивилизовать который призван путешественник: «Нам подали шлюпки, и мы, с людьми и вещами, сведены были на прибрежный песок и там оставлены, как совершенные Робинзоны. Что толку, что Сибирь не остров, что там есть города и цивилизация? Да до них две, три или пять тысяч верст! Мы поглядывали то на шкуну, то на строения и не знали, куда приклонить голову» [4, 634]. Но в конце путешествия Сибирь из дикого, почти пустого пространства, снежной пустыни превращается в «край, требующий энергии, силы воли, железного характера, вечной бодрости, крепости, свежести лет и здоровья» [4, 685]. О цивилизующей, преображающей силе Сибири будут писать А.П. Чехов в путевом дневнике «Остров Сахалин», В.Г. Короленко в «Сибирских рассказах и очерках». В отличие от А.П. Чехова и В.Г. Короленко, Гончаров не обращается к проблеме ссылки, теме преступления и наказания. Но в травелоге Гончарова важное место занимает описание коренного населения Сибири как продолжение темы экзотики, знаком-

ства с культурой других народов. Свою идею путешествия Гончаров сформулировал следующим образом: «Да, путешествовать с наслаждением и с пользой, – писал он в одном из первых своих очерков, – значит пожить в стране и хоть немного слить свою жизнь с жизнью народа, который хочешь узнать: тут непременно проведешь параллель, которая и есть искомый результат путешествия. Это вглядыванье, вдумыванье в чужую жизнь, в жизнь ли целого народа или одного человека, отдельно, дает наблюдателю такой общечеловеческий и частный урок, какого ни в книгах, ни в каких школах не отыщешь» [4, 57].

Свои впечатления от «вглядывания» и «вживания» в чужую культуру И.А. Гончаров отразил в концепте «северные народы», создателем которого стал. Представление о коренных народах, населяющих Сибирь, на многие годы стало прецедентным текстом для путешественников и читателей, открывающих для себя неизвестную часть России через призму видения Гончарова. Какие же параметры определяют семантику концепта «северные народы»? Прежде всего, это образ Сибири, возникающий на страницах последних трех глав путевых очерков «Фрегат «Паллада». Путешествие по Сибири уподобляется странствиям Одиссея, вопреки воли богов и столкновению с мифическими чудовищами, стремящемуся вернуться на родную Итаку. Итакой автору травелога представляется центральная Россия, в частности, Петербург, из которого «Паллада» отправилась в кругосветное плавание к далекой Японии. Сибирь же, край загадочный и неизведанный, благодаря гомеровским реминисценциям, соотносится с «талассой» – морской стихией, по мнению древних греков, населенной страшными чудовищами, враждебными по отношению к человеку. Неслучайно сибирская часть пути воспринимается И.А. Гончаровым как продолжение плавания. Бескрайние и малонаселенные просторы Сибири сравниваются с пустыней и одновременно называются сухопутным океаном, который в путнике, как все неизвестное, а значит, пугающее, вызывает тоску, страх и печаль. В главе «Обратный

² В письме к редактору «Отечественных записок» А.А. Краевскому из Якутска И.А. Гончаров пишет: «Возвращение мое восояси совершается с медленностью истинно одиссеевской, и между началом и концом этого возвращения лежит треть года, две трети полушария и половина царства» [6, 422].

путь через Сибирь» Гончаров пишет: «Ничего нет ужасного в этих диких пейзажах, но печального много. Нигде ни признаков жилья, ни встречи с кем-нибудь... Что за дорога была вчера! Пустыни, пустыни и пустыни, девственные, если хотите, но скучные и унылые» [4, 641]. Или при описании Джукджура, «якутского, или тунгусского Монблана», возникает определение «океан камней»: «Мы выехали часов в 7 со станции и ехали незаметно в гору буквально по океану камней. Редко-редко где на полверсты явится земляная тропинка и исчезнет... Вскоре по сторонам пошли горы, одна другой круче, серее и недоступнее. Это как будто искусственно насыпанные пирамидальные кучи камней. По виду ни на одну нельзя влезть. Одни сероватые, другие зеленоватые, все вообще неприветливые, гордо поднимающие плечи в небо, не устаивающие взглянуть вниз, а только сбрасывающие с себя камень» [4, 643]. Гончаров использует прием олицетворения, уподобляя явления природы живым существам, тем самым мифологизируя пространство: «Тоска сжимает сердце, когда проезжаешь эти немые пустыни. Спросил бы стоящие по сторонам горы, когда они и все окружающее их увидело свет...» [4, 645]. Возращение домой через Сибирь соотносится с героическим деянием и приобретает черты противостояния человека и языческих богов, символизирующих суровую северную природу.

Но отнюдь не страх чувствует путешественник по отношению к неизведанному пространству. Нарратор, делясь с читателями своими ощущениями, создает особый имажотип Сибири как части русского мира. В отличие от «Степи» А.П. Чехова, в которой возникает экзистенциальная концепция национального пространства, своей безбрежностью подавляющего маленького человека, вызывающего ужас перед изначальной непостижимостью «русской степи», образ Сибири у Гончарова носит жизнеутверждающий характер. Сибирь предстает как безбрежное поле для деятельности, пространство, которое актуализирует лучшие человеческие качества, заставляет человека отказаться от сонной созерцательности, присущей обломовцам. По Чехову, трагедия русского человека, во-

площенная в судьбе главного героя «Степи» Егорушки Князева, заключается в несовпадении масштаба личности человека и пространства, его окружающего, что делает невозможным любые попытки «приручить», цивилизовать пространство. У Гончарова, чей «Фрегат «Паллада» создан в другую историческую эпоху – в середине XIX века, за 30 лет до повести «Степь» и путевого дневника «Остров Сахалин», – нет и намека на скорбь или ужас. Печаль, обусловленная лицемерием однообразного пейзажа, соседствует с любопытством неопита, открывающего для себя новое, и нетерпением «государственного человека» – чиновника, выполняющего важную миссию, – исследовать и начать использовать северные территории для блага Отечества.

Этнографическое описание северных народов – якутов, тунгусов, чукчей, коряков – дается в контексте проблемы цивилизации. Оценивая в духе своего времени представителей коренного населения как детей, нуждающихся в опеке взрослых, Гончаров выступает с позиций государственного чиновника. В травелогге возникает колониальный дискурс, который создается в результате описания двух видов колонизации земель. Западная колонизация, которую проводят англичане, оценивается амбивалентно: скорее, как насильственная ассимиляция, чем приобщение к благам западной культуры. Русская колонизация – как естественный цивилизационный процесс, способствующий переходу «диких», в терминологии той эпохи, народов на более высокий уровень исторического развития. В оценке народов Сибири Гончаров придерживается просветительской концепции, которая легко накладывается на его идею исторического прогресса как поступательного развития народов на пути к цивилизации.

Описывая северные народы, И.А. Гончаров выделяет следующие семы, образующие концепт: портрет, духовные и физические характеристики, связь с природой, материальную культуру, языки, способность к развитию. Наиболее часто на страницах «Фрегата «Паллада» встречается описание якутов. Это неслучайно, ведь большую часть сухопутного пути Гончаров проделал в восточной части Сибири.

Детально воспроизводя внешность представителей народов Сибири, Гончаров, как и положено путешественнику, отмечает то, что отличает их от других народов и одновременно выделяет черты, сближающие их с русскими. В главе VII «Обратный путь через Сибирь» впервые встречается описание портрета якутской женщины: «Пришла якутка, молодая и, вероятно, в якутском вкусе красивая, с плоским носом, с узенькими, но карими глазами и ярким румянцем на широких щеках» [4, 648]. В портретном описании важную роль играет этнографическая составляющая, так как путешественника интересуют не столько индивидуальные черты, общечеловеческое начало, сколько типичное, национальное: «Городские якуты одеты понаряднее. У мужчин грубого сукна кафтан, у женщин тоже, но у последних полы и подол обшиты широкой красной тесьмой; на голове у тех и у других высокие меховые шапки, несмотря на прекрасную, даже жаркую, погоду. Якуты стригутся, как мы, оставляя сзади за ушами две тонкие пряди длинных волос, – вероятно, последний, отдаленный намек на свои родственные связи с той тесной толпой народа, которая из Средней Азии разбрелась до берегов Восточного океана. Я в этих прядях видел сокращение китайской косы, которую китайцам навязали манчжуры. А может быть, якуты отпускают сзади волосы подлиннее просто затем, чтоб защитить уши и затылок от жестокой зимней стужи» [4, 659].

Наряду с внешностью представителей северных народов, путешественник описывает нравственные черты, присущие этносу. Близость к суровой природе, необходимость выживать в сложных климатических условиях обусловили, по мнению И.А. Гончарова, такие черты не только коренного населения, но и русских переселенцев, как бескорыстная помощь «проезжим», гостеприимство, энергия, доброжелательность. И хотя к якутам, корякам и другим народам Гончаров относится как к детям, которых нужно научить хлебопашеству, овощеводству, торговле, избавить от языческих представлений о мире и прочее, он отмечает достойные восхищения присущие им общечеловеческие нравственные качества: «О коряках рассказывают много хорошего,

о тунгусах еще больше. Последние честны, добры и трудолюбивы. Коряки живут тоже скудными рыбными и звериными промыслами, и в юртах их нередко бывает такая же стряпня, как в поварнях по колымскому и другим безлюдным трактам. В голод они делят поровну между собою всё, что добудут: зверя, рыбу или другое. Когда хотели наградить одного коряка за такой дележ, он не мог понять, в чем дело. «За что?» - спрашивает. «За то, что разделил свою добычу с другими». – «Да ведь у них нет!» - отвечал он с изумлением. Бились, бились, так и не могли принудить его взять награду. Хвалят тоже их за чистоту нравов. Дочь одного коряка изменила правилам нравственности. По обычаю коряков, ее следовало убить. Отец не мог исполнить этого долга: она была любимая и единственная дочь. «Не могу, - сказал он, подавая ей веревку, - удавись сама». Она удавилась, и он несколько лет оплакивал ее» [4, 693].

В то же время путешественник описывает и пороки, свойственные северным народам, как и всем людям: «Не то рассказывают про якутов. Хвалят их за способности, за трудолюбие, за смывленность, но в них, как в многочисленном, преобладающем здесь племени, уже развиты некоторые пороки: они, между прочим, склонны к воровству. Убийства между ними редки: они робки и боятся наказаний. Но в воровстве они обнаруживают много тонкости, которая бы не осрамила лондонских мошенников. Один якут украдет, например, корову и, чтоб зимой по следам не добрались до него, надевает на нее сары, или сапоги из конской кожи, какие сам носит. Но и хозяин коровы не промах: он поутру смотрит не под ноги, не на следы, а вверх: замечает, куда слетаются вороны, и часто нападает на покражу, узнавая по шкуре зарезанной коровы свою собственность» [4, 693].

Интересно, что при оценке порочности человеческой природы И.А. Гончаров вступает в полемику с высказанными за двадцать лет до этого идеями, основанными на концепции естественного человека Ж.Ж. Руссо, в частности, с книгой Геденштрома «Отрывки из Сибири», выпущенной в Санкт-Петербурге в 1830 году и хорошо известной И.А. Гончарову. По мнению автора «Фрегата «Паллада», глупо считать,

что пороки привносит цивилизация, это значит отказывать якутам и другим народам в праве человека на выбор между добром и злом, в праве называться человеком, равным другим людям. Опровергая тезис Геденштрома, Гончаров приводит истории, удивительным образом напомиающие средневековые шванки, в частности, шванк Штрикера «Чудо святого Мартина», события которого, правда, не полностью переносятся в анекдот из жизни якутов: «Однажды несколько якутов перелезли на чужой двор украсть лошадь. Ворота заперты, вывести нельзя; они вздумали перетащить ее через забор: передние ноги уже были за забором; воры усердно тащили за хвост и другую половину лошади. Она, конечно, к этому новому способу путешествия равнодушна быть не могла и сильно протестовала с своей стороны и копытами, и головой. Хозяин вышел на шум, а воры мгновенно спрятались, кроме того, который был на улице. «Хозяин, хозяин, – кричал он, – смотри, что я застал: у тебя лошадь воруют». – «И так воруют». – «Бери же ее назад». Стали тащить назад – не подается: вор с улицы крепко придерживал ее за узду. «Туда нейдет, – говорил он, – ты лучше подтолкни ее сюда; а потом отвори ворота, я ее приведу». Так и сделано. Само собою разумеется, что вор ускакал на лошади, не дождавшись хозяина» [4, 693]. Конечно, Гончаров не подражает Штрикеру, а воспроизводит так называемый «кочующий сюжет», но само его упоминание в контексте жизни северного народа представляется знаковым.

При оценке образа жизни и материальной культуры северных народов путешественник использует распространенный в травелогах прием сравнительной дескрипции, выискивая в чужом быте черты, сближающие его с укладом русских. Например, юрта предстает в неожиданном ракурсе: «Я думал хуже о юртах, воображая их чем-то вроде звериных нор; а это та же бревенчатая изба, только бревна, составляющие стену, ставятся вертикально; причем она без клопов и тараканов, с двумя каминами; дым идет в крышу; лавки чистые. Мы напильсь чаю и проспали до утра как убитые» [4, 641]. Взгляд путешественника в чужой культуре отмечает близкое, родное, а чужое, незнакомое называет привычным

словом: так в юрте неожиданно появляются «камины», что совершенно не смущает рассказчика.

По мере продвижения вглубь материка меняется отношение путешественника и к северным народам, и к их жизненному укладу. Чужая культура, которая в начале поездки воспринимается как нечто отсталое, непонятное, не имеющее смысла, постепенно открывается с новой стороны. Рассказчик начинает понимать, что в основе культуры коренных жителей Сибири лежит опыт, накопленный в течение столетий. Вещи, предметы быта, приметы – все это хранит в себе уникальный опыт выживания в суровых климатических условиях. И уже не недоумение или издевку вызывает совет русских поселенцев воспользоваться традиционной меховой одеждой или прислушаться к мнению проводников-якутов, а понимание, что опыт северных народов – это единственный способ остаться в живых. На место отторжения чужой культуры приходит понимание и принятие ее.

Меняется и отношение к природе, которая перестает быть неизведанной стихией, вызывающей страх. Близкое знакомство с людьми, не просто выживающими в Сибири, а в тяжелых условиях сохраняющими и преумножающими лучшие качества, присущие человечеству, заставляет по-новому взглянуть и на природу. Мифологизация явлений природы сменяется ее поэтизацией: то, что вызывало страх, теперь восхищает: «Всё еще пустыня, всё Лена! Я сейчас из леса: как он хорош, осыпанный, обремененный снегом! Столетние сосны, ели, лиственницы толпятся группами или разбросаны врозь. Взошел молодой месяц и осветил лес, чего тут нет? Какой разгул для фантазии: то будто женщина стоит на коленях, окруженная малютками, и о чем-то умоляет: всё это деревья и кусты с нависшим снегом; то будто танцующие фигуры; то медведь на задних лапах... Сквозь эту ледяную решетку лес кажется совсем фантастическим. Это природная декорация «Нормы» [4, 705].

Но эволюция отношения путешественника к Сибири не означает отказа от просветительской миссии государства в отношении сибирских этносов. Возникает странная тенденция: описывая уклад жиз-

ни северных народов, нарратор подспудно восхищается их мудростью, умением выживать в суровых условиях. В каждой, на первый взгляд, незначительной детали, он усматривает глубокий смысл. И тот же путешественник, превращаясь в государственного мужа, говорит о якутах, коряках и тунгусах как о диких народах, которым требуется родительское наставление. При этом, примеряя на себя условия их жизни, понимает насколько тяжело выживать в северных широтах: «Вот теперь у меня в комнате лежит доха, волчье пальто, горностаевая шапка, беличий тулуп, заячье одеяло, торбасы, пыжиковые чулки, песцовые рукавицы и несколько медвежьих шкур для подстилки. Когда станешь надевать всё это, так чувствуешь, как постепенно приобретаешь понемногу чего-то беличьего, заячьего, оленьего, козлового и медвежьего, а человеческое мало-помалу пропадает. Кухлянка и доха лишают употребления воли и предоставляют полную возможность только лежать. В пыжиковых чулках и торбасах ног вместе сдвинуть нельзя, а когда наденешь двойную меховую шапку, или, по-здешнему, малахай, то мысли начинают вязаться ленивее в голове и одна за другою гаснут. Еще бы что-нибудь прибавить, так, кажется, над вами того и гляди совершится какая-нибудь любопытная метаморфоза» [4, 676].

Но самая главная черта, которая составляет предмет восхищения И.А. Гончарова – это способность северных людей меняться, воспринимать новое. Последняя глава «Фрегата «Паллада» – это настоящий

панегирик прекрасному будущему, которое ожидает Сибирь, и ростки которого путешественник видит в миссионерской деятельности русских переселенцев и готовности северных народов воспринимать новые принципы хозяйствования, образование и многое другое, что несет цивилизация. Идеал Сибири для Гончарова – это пространство, созданное по образу и подобию центральной России, «молодой край, где все меры и действия правительства клонятся к тому, чтобы с огромным русским семейством слить горсть иноплеменных детей, диких младенцев человечества, для которых пока правильный, систематический труд – мучительная, лишняя новизна, которые требуют осторожного и постепенного воспитания...» [4, 685].

Но не только Россия может стать образцом для Сибири. В Сибири никогда не было крепостного права, а значит, при всей схожести с Россией, там не увидишь «лакея, открывающего ставни, да сонного барина в окне» [4, 710]. Отсутствие «следов крепостного права» в Сибири – это то, что, по мнению И.А. Гончарова, составляет «самую заметную черту ее физиономии» [4, 710] и обуславливает движение, ведущее к прогрессу. И.А. Гончаров, одним из первых среди писателей XIX века описывает Сибирь как особую цивилизацию, преобразованную Обломовку, суровые условия которой не оставляют места скуки и лени. И важной составляющей этой цивилизации являются северные народы, вовлеченные в общий процесс преобразования жизни.

Литература

1. Михайлов В.А. Эволюция жанра литературного путешествия в произведениях писателей XVIII – XIX вв.: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. М., 1999. 199 с.
2. Бондарева А. Литература скитаний // Октябрь. – 2012. – № 7. – С. 15 – 24.
3. Балла О. Нефотографизмы: преодоление травелога [Электронный ресурс] // Homo legens: лит. журн. URL: <http://homo-legens.ru/2013> (дата обращения: 01.06.14).
4. Гончаров И.А. Фрегат «Паллада». Очерки путешествия в двух томах // Гончаров И.А. Полное собрание сочинений и писем в двух томах. Т. 2. СПб.: Наука, 1997. 740 с.
5. Мокеева И.Н. Жанровое своеобразие «Фрегата «Паллада» И.А. Гончарова // И.А. Гончаров: Материалы юбил. гончаровской конф. 1987 г. Ульяновск, 1992. С. 95-104.
6. Путевые письма И.А. Гончарова // Литературное наследство. 1935. № 22-24.

References

1. Mikhaylov V.A. Evolyutsiya zhanra literaturnogo puteshestviya v proizvedeniyakh pisateley KhVIII – KhIX vv.: dis. ... kand. filol. nauk: 10.01.01. M., 1999. 199 s.

2. Bondareva A. Literatura skitaniy // Oktyabr'. – 2012. – № 7. – С. 15 – 24.
3. Balla O. Nefotografizmy: preodolenie traveloga [Elektronnyy resurs] // Homo legens: lit. zhurn. URL: <http://homo-legens.ru/2013> (data obrashcheniya: 01.06.14).
4. Goncharov I.A. Fregat «Pallada». Ocherki puteshestviya v dvukh tomakh // Goncharov I.A. Polnoe sobranie sochineniy i pisem v dvukh tomakh. T. 2. SPb.: Nauka, 1997. 740 s.
5. Mokeeva I.N. Zhanrovoe svoeobrazie «Fregata «Pallada» I.A. Goncharova // I.A. Goncharov: Materialy yubil. goncharovskoy konf. 1987 g. Ul'yanovsk, 1992. S. 95-104.
6. Putevye pis'ma I.A. Goncharova // Literaturnoe nasledstvo. 1935. № 22-24.